

очень много разговоров, встретила самые различные отзывы — от резко положительных до резко отрицательных. Равнодушных читателей у ней не было. В этом нет ничего удивительного: сам Б. А., когда эту книгу писал, отчасти на это рассчитывал. Он писал свою книгу с некоторой запальчивостью. К сожалению, споры, возникшие вокруг этой книги, не получили должного отражения в печати. И это обстоятельство, как и то, что эта книга наполовину литературоведческая, обязывает нас рассмотреть ее возможно подробнее.

Книга Б. А. «Люди и нравы древней Руси» необычна прежде всего по самому своему подходу к историческому материалу: Б. А. задался целью реконструировать жизнь домонгольской Руси, реконструировать исторические типы людей с тем, чтобы «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе» (стр. 5). Ученый сочетается в Б. А. с художником, научный анализ с художественным воображением (именно с воображением, а не с фантазией исторического беллетриста). При этом необычном для научной книги профиле необходимо оценить не только ее научные утверждения, но и ее своеобразный художественный замысел.

Обратимся к последнему. О приемах своей художественной реконструкции жизни XI—XIII вв. Б. А. довольно точно пишет сам в предисловии к книге: автор «взял на себя, как толмач, перевести старинные слова» на язык современного читателя (стр. 14—15). Б. А. переводит тут же — на глазах у читателя, демонстрируя в книге и подлинный текст и его интерпретацию в современных понятиях, в современных представлениях (в книге дается, конечно, не языковой перевод, а перевод понятий, представлений). Этот «перевод» сближает древние понятия с современными и одновременно, путем этого сближения, вскрывает их различия. Чтобы приблизить жизнь древней Руси к взору и слуху современного читателя, Б. А. обильно вводит в свой текст вполне современные нам выражения, совмещая их с архаизмами, взятыми из подлинных древнерусских материалов. Эти современные нам выражения возможны в книге только потому, что рядом с ними Б. А. ставит выражения XI—XIII вв. Вместе с тем глубокие архаизмы XI—XIII вв. звучат для нас по-новому только потому, что рядом даны их «эквиваленты» XX в. Отсюда своеобразная гротескность положений (стр. 173—175, 202 и др.). Б. А. ни разу не уклоняется от тонко найденной им необычной линии изложения — ни в сторону преобладания архаизмов, ни в сторону преобладания модернизмов. Всякое уклонение привело бы изложение либо к модернизации исторического материала, либо к чрезмерной его архаизации. В данном же необычайно остром сочетании жизнь древней Руси приближается к современному читателю до почти полной ее осязаемости и зримости в отдельных ее проявлениях. Правда, читателей ученых с консервативными литературными вкусами эта своеобразная манера изложения настроивала отрицательно к книге Б. А., но она же создавала ему близких друзей среди тех, кто предпочитает острую постановку вопросов, научную смелость и оригинальность ученому снобизму и скучному научному благоприличию.

В своей книге Б. А. использует хорошо известные источники — Русскую Правду, Моление Даниила Заточника, Кириковы Вопросания, Поучение Владимира Мономаха, Киево-Печерский патерик, Житие Феодосия Печерского, летопись и т. д., но он ставит этим источникам такие вопросы, которые им еще не предлагались. Б. А. использует эти памятники для воспроизведения живых, ярко расцвеченных картин домонгольской жизни. Он изображает погоню за бежавшим холопом, используя для этого Русскую Правду, рисует картины монастырской жизни, используя для этого